

В. В. Крестовскій, какъ военный писатель.

(Статья пятая)¹⁾.

Херехожу къ *военно-публицистическимъ* работамъ Крестовскаго. Этимъ названіемъ я объединяю весьма разнообразный, пестрый матеріалъ, состоящій изъ корреспонденцій съ театра Русско-турецкой войны, изъ путевыхъ замѣтокъ и военно-политическихъ писемъ и статей. Начну съ работъ, посвященныхъ Русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. и ею вызванныхъ.

I.

«Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи 1877—1878 гг. (т. V).

Многимъ, вѣроятно, еще памяты эти блестяще и съ знаніемъ дѣла написанныя письма, печатавшіяся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», перепечатававшіяся другими газетами и журналами и такъ полно отвѣчавшія требованіямъ русскаго общества, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго вѣстей съ театра войны. Предъ другими корреспондентами онъ имѣлъ прежде всего то преимущество, что какъ военный, былъ уже подготовленъ къ воспринятію картинъ и впечатлѣній войны, къ критической оцѣнкѣ военныхъ обстоятельствъ, зналъ военный бытъ, имѣлъ въ арміи обширныя знакомства и,

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1900 г., № 11.

Если при такихъ условіяхъ приходилось работать официальному корреспонденту правительственной газеты, редактору «Военнаго Листка» и лицу, состоявшему при штабѣ главнокомандующаго арміей, то каковы же они были для корреспондентовъ частныхъ изданій! Въ одномъ изъ своихъ писемъ (кн. I, гл. XX—«О корреспондентахъ и художникахъ»), Крестовскій высказываетъ свое «искреннее пожеланіе»,

«чтобы въ слѣдующей войнѣ (буде таковая намъ предстоитъ) нашимъ русскимъ корреспондентамъ оказывалась со стороны полевого штаба, если уже не бѣдшая, то хотя бы равная степень вниманія съ корреспондентами газетъ иностранныхъ».. (см. т. V, стр. 72, примѣч.).

Впрочемъ, наградой Крестовскому служило уже и то, что Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, при чтеніи извѣстій съ театра войны, писанныхъ Крестовскимъ, почти всегда, какъ сообщаетъ его биографъ, г. Елецъ, изволили дѣлать надпись: «*Читалъ съ особеннымъ любопытствомъ*».

Послѣ войны эти письма вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ двухъ томахъ, будучи исправлены и весьма значительно дополнены такими подробностями, печатать которыя во время самыхъ военныхъ дѣйствій было не всегда возможно, но которыя, по мнѣнію самого Крестовскаго, могутъ отчасти дорисовать или уяснить нѣкоторыя событія и обстоятельства минувшей войны. Къ сожалѣнію, редакторъ собранія сочиненій В. В. Крестовскаго ничѣмъ не отмѣтилъ эти позднѣйшія дополненія, а между тѣмъ, это само по себѣ было бы очень интересно, такъ какъ указывало бы рамки того, о чемъ можно было тогда писать. Въ числѣ писемъ съ театра войны есть и такія, которыя не имѣютъ специально военного интереса, но обрисовываютъ нѣкоторыя этнографическія и бытовыя стороны Румыніи, Болгаріи и Турціи, а также и отношенія къ намъ мѣстныхъ жителей, являясь, по выраженію Крестовскаго, «иллюстраціей той обстановки, среди которой приходилось жить и дѣйствовать нашей арміи»¹⁾. У этого мастера на описанія и характеристики право затрудняешься что-либо выдѣлить... Все ярко, все колоритно и все интересно. Многія страницы писемъ о переправѣ, о третьей Плевнѣ и объ ожиданіи мира въ Санъ-Стефано пѣликомъ вошли въ его романъ «Тамара Бендавидъ», ничуть не нарушая стройности этого беллетристическаго произведенія.

¹⁾ Таковы главы: XIX—«Отъ Унгеней до Плоештовъ», XXV—«Ярмарка въ Бухарестѣ»; XXVII—«Военная жизнь въ Плоештахъ»; XXXVIII—«Зимница и Снегово», и отчасти главы XXIV—«Кавалерія на Дунайскомъ побережьѣ» и LXXIX—«Жизнь въ Боготѣ».

благодаря всему этому, могъ легко разобраться и ориентироваться въ той массѣ слуховъ, которые такъ легко возникаютъ и распространяются на театрѣ войны. Словомъ, Крестовскій, въ своей роли корреспондента, обладалъ знаніемъ военного дѣла и военной точкой зрѣнія на явленія войны. Къ тому же, сверхъ своихъ корреспондентскихъ обязанностей въ отношеніи «Правительственнаго Вѣстника», онъ былъ еще и редакторомъ «Военнаго Листка», долженствовавшего замѣнить для дѣйствующей арміи «Русскій Инвалидъ». Одно это уже давало ему право и возможность быть въ курсѣ военныхъ дѣйствій. Въ распоряженіи Крестовскаго были официальныя свѣдѣнія, донесенія, реляціи, приказанія, письменные источники и документы, сообщенные разными свѣдущими лицами и учрежденіями, рассказы прямыхъ участниковъ и ближайшихъ свидѣтелей того или другого дѣла, зачастую сдѣланные тутъ же на мѣстѣ событій, въ пылу первыхъ впечатлѣній, не охлажденныхъ разсудкомъ и временемъ и, наконецъ, личныя его наблюденія и замѣтки ¹⁾. И надо отдать справедливость, всѣмъ этимъ Крестовскій воспользовался умѣло—куда искуснѣе, чѣмъ нѣкій г. Н. Сѣдельниковъ, также *по официальнымъ источникамъ* составившій описаніе «Турецкой кампаніи 1877—1878 гг. и выпустившій его въ двухъ томахъ—въ 1878 г. (I томъ) и въ 1879 г. (II томъ). Скажу нѣсколько словъ и о характерныхъ условіяхъ, при которыхъ писались эти письма Крестовскимъ.

«Писать могу я при всякой обстановкѣ—говорить онъ самъ въ письмѣ къ А. В. Жиркевичу ²⁾—случалось писывать и на боевыхъ позиціяхъ подъ Плевной, и въ темной землянкѣ, въ Боготѣ, гдѣ на пространствѣ 6-ти кв. аршинъ ютилось насъ пять человекъ офицеровъ, къ которымъ, бывало, прядутъ еще гости, и всѣ они болтаютъ, поютъ, смѣются или винтятъ, а ты себѣ пишешь, несмотря ни на что, потому—надо кончать срочную корреспонденцію въ газету».

Особенно досаждали Крестовскому возня и хлопоты съ новою, возникшею для него военною цензурою.

«Эти цензурныя просмотры—писалъ онъ С. П. Сушкову ³⁾ 1-го апрѣля 1877 года—на практикѣ оказываются вещью не всегда удобною въ томъ смыслѣ, что по необходимости задерживаютъ на нѣкоторый срокъ своевременную отправку корреспонденцій, а въ случаѣ боевого движенія впередъ—я ужъ и не знаю, что тутъ придется дѣлать съ этими цензурными просмотрами, если и теперь приходится для нихъ нарочно ловить и улучать свободныя минуты начальника штаба; а тогда, когда дѣла у него будутъ, что называется, по горло, сдѣлается еще затруднительнѣе отправлять свои корреспонденціи... своевременно.»

¹⁾ Я говорилъ уже ранѣе, что Крестовскій принялъ личное участіе въ дѣйствіяхъ отряда генераль-лейтенанта П. П. Карцева на Траянскомъ перевалѣ и это особенно замѣтно на страницахъ 427—450 пятого тома.

²⁾ Нынѣ военный слѣдователь Виленскаго военного округа.

³⁾ Тогдашній главный редакторъ «Правительственнаго Вѣстника».

Если при такихъ условіяхъ приходилось работать официальному корреспонденту правительственной газеты, редактору «Военнаго Листка» и лицу, состоявшему при штабѣ главнокомандующаго арміей, то каковы же они были для корреспондентовъ частныхъ изданій! Въ одномъ изъ своихъ писемъ (кн. I, гл. XX—«О корреспондентахъ и художникахъ»), Крестовскій высказываетъ свое «искреннее пожеланіе»,

«чтобы въ слѣдующей войнѣ (буде таковая намъ предстоитъ) нашимъ русскимъ корреспондентамъ оказывалась со стороны полевого штаба, если уже не большая, то хотя бы равная степень вниманія съ корреспондентами газетъ иностранныхъ».. (см. т. V, стр. 72, примѣч.).

Впрочемъ, наградой Крестовскому служило уже и то, что Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, при чтеніи извѣстій съ театра войны, писанныхъ Крестовскимъ, почти всегда, какъ сообщаетъ его биографъ, г. Елецъ, изволилъ дѣлать надпись: «*Читалъ съ особеннымъ любопытствомъ*».

Послѣ войны эти письма вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ двухъ томахъ, будучи исправлены и весьма значительно дополнены такими подробностями, печатать которыя во время самыхъ военныхъ дѣйствій было не всегда возможно, но которыя, по мнѣнію самого Крестовскаго, могутъ отчасти дорисовать или уяснить нѣкоторыя событія и обстоятельства минувшей войны. Къ сожалѣнію, редакторъ собранія сочиненій В. В. Крестовскаго ничѣмъ не отмѣтилъ эти позднѣйшія дополненія, а между тѣмъ, это само по себѣ было бы очень интересно, такъ какъ указывало бы рамки того, о чемъ можно было тогда писать. Въ числѣ писемъ съ театра войны есть и такія, которыя не имѣютъ специально военного интереса, но обрисовываютъ нѣкоторыя этнографическія и бытовыя стороны Румыніи, Болгаріи и Турціи, а также и отношенія къ намъ мѣстныхъ жителей, являясь, по выраженію Крестовскаго, «иллюстраціей той обстановки, среди которой приходилось жить и дѣйствовать нашей арміи» ¹⁾. У этого мастера на описанія и характеристики право затрудняешься что-либо выдѣлить... Все ярко, все колоритно и все интересно. Многія страницы писемъ о переправѣ, о третьей Плевнѣ и объ ожиданіи мира въ Санъ-Стефано нѣдлгокомъ вошли въ его романъ «Тамара Бендавидъ», ничуть не нарушая стройности этого белетристическаго произведенія.

¹⁾ Таковы главы: XIX—«Отъ Унгеней до Плоештовъ», XXV—«Ярмарка въ Бухарестѣ»; XXVII—«Военная жизнь въ Плоештахъ»; XXXVIII—«Зимница и Сметово», и отчасти главы XXIV—«Кавалерія на Дунайскомъ побережьѣ» и LXXIX—«Жизнь въ Боготѣ».

Чтобы не быть голословнымъ, обращаюсь къ цитатамъ.

Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ Крестовскій нравственное состояніе собранной въ Кишиневѣ русской арміи, подъ вліяніемъ колебанія политическаго барометра. Зимняя кампанія не состоялась. Всѣ ждали: будетъ ли что-нибудь весной?

«И граждане и военные—всѣ у насъ теперь въ весьма возбужденномъ состояніи—писалъ Крестовскій 1-го апрѣля 1877 года. Нѣсколько дней тому назадъ, все было погружено въ озлобленное уныніе: ожидали, что лондонскій протоколъ будетъ подписанъ Англіей не иначе какъ цѣною предварительнаго указа о разоруженіи нашей арміи. Нѣкоторые экзальтированныя головы уже съ горечью высказывали, что послѣ этого ничего больше не остается, какъ снѣть военный мундиръ... Многие и притомъ весьма солидные люди держатся такого мнѣнія, что если во имя идеи *мира во что бы то ни стало* наша д. армія будетъ демобилизована, то это породитъ въ ея средѣ массу недовольныхъ, причемъ недовольство будетъ возбуждено не вслѣдствіе одного только патриотическаго чувства... но ницку ему дадутъ и чисто матеріальныя условія. Каждый казакъ, который, для того, чтобы явиться по призыву на службу, быть можетъ, свезъ на базаръ послѣднюю пару воловъ, а жена его пошла въ батрачки; каждый призывной солдатъ, оставившій безъ обозначенія семьи или потерявъ выгодное мѣсто гдѣ-нибудь въ городѣ или на фабрикѣ—все эти люди... понесли болѣе или менѣе чувствительныя для нихъ потери и лишенія въ чисто матеріальномъ, насущномъ смыслѣ. И теперь распустить ихъ по домамъ, послѣ почти полугодоваго томительнаго и напряженнаго ожиданія, распустить ихъ съ чѣмъ—это одно уже способно поселить въ этихъ людяхъ глухое чувство недовольства. Я уже не говорю про офицеровъ, которые тоже терпятъ не мало лишній, особенно же изъ числа семейныхъ людей, вынужденныхъ столько времени жить по большей части весьма скудно, на два дома. Прибавьте къ этому и нравственное чувство нашей военной интеллигенціи и молодежи, которые, при весьма высококомъ подъемѣ патриотическаго чувства, смотрятъ на демобилизацію, какъ на фактъ постыднаго отступленія Россіи отъ ея историческаго призванія, какъ на признакъ ея государственной немощи...

...Но, не думайте, заключаетъ Крестовскій, чтобы наша армія была заражена духомъ задорнаго шовинизма, подобно французамъ предъ войною 1870 г.—нѣтъ этого вы у насъ не встрѣтите... Каждый офицеръ, развѣ за весьма немногими исключеніями, и каждый солдатъ смотритъ вполнѣ серьезно и скромно на предстоящее ему трудное дѣло и съ убѣжденіемъ почитаетъ его за дѣло *святное...*» (стр. 17).

Съ такими то чувствами совершился переходъ черезъ границу, когда война стала фактомъ.

«Граница... Простое слово, а какъ звучитъ оно для нашего уха чѣмъ-то особеннымъ теперь, именно въ эту минуту!.. Писалъ дальше Крестовскій. Что же это такое? Глубоко ли въ сердцѣ щемлющее предчувствіе, раздумье: вернуться ли назадъ или *тамъ* твои кости останутся? Или это гордое сознаніе, что валомъ валитъ великая и грозная сила Земли Русской... и что ты—одинъ изъ атомовъ этой тысячелѣтней силы... которая обязываетъ тебя... «не посягатьъ Земли Русской» и лечь костью за нее и за братій?.. Всѣ серьезно переглянулись, всѣ невольно смолкли,—каждый на мгновенье ушелъ въ глубь самого себя... Тихо... только повадь мѣрно гремитъ, приближаясь къ крутобережному, не широкую и мутно катищему желтыя волны Дунаю.

«Одинъ изъ нашихъ спутниковъ поручилъ своему сосѣду глядѣть въ окно и не прозывать границы: «чуть только будемъ по серединѣ моста, на самой, значить, чертѣ, ты сейчасъ же кричи намъ «граница»... И всѣ мы съ обнаженными головами, вставъ съ своихъ мѣстъ, со стаканами дешеваго русскаго винограднаго вина, ждали условнаго сигнала.

— «Граница!»—громко раздавалось изъ окошка.

— «Господи, благослови и помоги честному дѣлу въ часъ добрый!»—благоговѣнно крестясь произнесъ лихой казакъ, кавказецъ...

Всѣмъ за нимъ всѣ молча перекрестились.

— «Ура, ребята? За Царя, за Россію! Ура!!»

— «Урра-а-а»—подхватилъ весь вагонъ... — «урра-а-а» раздавалось и изъ всѣхъ другихъ вагоновъ повада... Съ этимъ кликомъ мы переѣхали пограничную черту русскаго государства,

— «Прощай, дорогая!.. Прощай! До свиданія» — невольно вырвались сердечныя восклицанія у многихъ, которые изъ окошекъ глядѣли на покинутую Россію.

«По ту сторону моста часовой-добробанецъ (румынъ) взялъ ружье «на караулъ» и отдалъ русскимъ войскамъ воинскую почесть...» (стр. 59 и 60).

Я не буду передавать здѣсь картины переправы черезъ Дунай¹⁾, отмѣчу здѣсь одно лишь приводимое Крестовскимъ существенное замѣчаніе генерала Драгомирова, касающееся горныхъ батарей. Поддержка ихъ принесла въ первый, наиболѣе трудныя минуты боя на турецкомъ берегу, настолько существенную пользу нашимъ высадившимся войскамъ, что генераль Драгомировъ, вѣроятно, тогда же высказалъ убѣжденіе, что

«въ будущемъ горныя батареи должны составлять незамѣнимую принадлежность десанта, производимаго въ подобныхъ же условіяхъ» (стр. 145).

Идя навстрѣчу тому религіозному чувству, которымъ проникнуты были наши войска, вѣрившіе въ *святость* своего дѣла, тотъ же военачальникъ, какъ тонкій психологъ и опытный боевой воспитатель, въ приказѣ по своей 14-й пѣхотной дивизіи, дававшемъ руководящія указанія по высадкѣ на берегъ и замѣчательномъ какъ по слогу, полученному позже названіе «драгомировскаго» (въ свое время былъ «суворовскій»), такъ и по глубинѣ пониманія военнаго дѣла и духа, распорядился, между прочимъ, чтобы «при вечерней и утренней молитвѣ, послѣ «Отче нашъ», пѣть: «Господи силь съ нами буди, много бо развѣ Тебѣ помощника въ спорѣхъ не имамы; Господи силь, помилуй насъ!»

Величественна рисуемая Крестовскимъ картина благодарственнаго молебна послѣ удачной переправы, когда

«во время чтенія апостола, Его Величество изволилъ подойти къ благочинному 12-й пѣхотной дивизіи о. Иванову и приказалъ ему—послѣ многолѣтня царствующему дому, возгласить свѣтлую память» воинамъ, навшимъ въ дѣлѣ при переправѣ. Съ глубокимъ смиреніемъ Державный Вождь русскаго народа, первый изъ всѣхъ молящихся, опустился на колѣни и со слезами вознесъ горячую молитву...

¹⁾ См. мою предшествующую статью («Военный Сборникъ», 1900 г. № 11).

Более 30,000 собранных здѣсь войскъ, всей массой послѣдовали примѣру своего Монарха...» (стр. 153 и 154).

Не менѣе величественна въ описаніи Крестовскаго картина и другого молебствія, совершавшагося 30-го августа 1877 года, въ день Царскихъ именинъ, подъ грохотъ пушекъ не со стѣнъ Петропавловской крѣпости, а «третьей Плевны». Всѣми молящимися сознавалась необычайная обстановка этого праздника, всегда столь радостнаго, а теперь встрѣчаемаго съ жуткимъ чувствомъ страха за исходъ штурма, — всегда столь благостнаго, а теперь омрачившагося хмурымъ ненастнымъ небомъ, перекатнымъ громомъ орудій, трескотней ружей и шипѣніемъ взрывавшихся снарядовъ, несшихъ смерть... И сознание всего этого вызывало у нихъ слезы...

«Никогда еще русскимъ государямъ не доводилось встрѣчать день своего ангела въ подобной обстановкѣ, никогда еще не доводилось имъ и проводить его съ утра до ночи на боевомъ полѣ».

Картина эта поразила и нашего художника В. В. Верещагина, который въ своихъ воспоминаніяхъ («Изъ записной книжки — Плевна») пишетъ:

«Картина огромнаго штаба, колѣнопреклоненнаго, молящагося съ опущенными головами, на фонѣ темныхъ облаковъ и бѣлыхъ дымовъ выстрѣловъ, была въ высшей степени интересна — я началъ писать ее, замѣчаетъ Верещагинъ, «но изъ-за другихъ работъ не кончилъ, о чемъ теперь сожалею»¹⁾.

Нельзя не раздѣлить этого чувства сожалѣнія почтеннаго художника, давашаго рядъ изумительно блестящихъ картинъ эпопей 12-го года.

Вѣра въ святость начатаго нами дѣла не могла не крѣпнуть при видѣ тѣхъ ужасныхъ картинъ опустошенія, избіенія и неистовствъ, которымъ предавались турецкіе солдаты. Я не буду цитировать эти мрачныя страницы писемъ Крестовскаго (см., напримѣръ, стр. 472—474 и 514 и 515)...

«Трудно — сознается онъ самъ — описывая видъ шоссе отъ Хаския въ Германды — трудно, почти невозможно описать то, чему мы были очевидцами, да и самое описаніе — чѣмъ оно будетъ ярче, тѣмъ непроститѣе покажется невиданному».

У Крестовскаго самъ собою и неоднократно вырывается изъ-подъ пера крикъ изумленія и недоумѣнія.

«Да неужели во время такой ужасной всеобщей паники, въ этой кашѣ и сумятицѣ, въ этой взаимной истребительной бойнѣ, у людей хватало еще духа и времени насловать, утоляя своимъ скотскимъ инстинктамъ и пообрѣтать даже позы, въ которыхъ класть на огонь болгарскую малютку?... Мы, видѣвше, отказываемся и объяснять, отказываемся и понимать подобныя проявленія и по-

бужденія человѣческаго духа... Это было какое-то повальное безуміе, ослѣпленіе, остервенѣніе дикаго звѣря, своего рода Содомъ и Гоморра...»¹⁾

Не объясняется ли, однако, хоть отчасти этотъ страшный взрывъ чувственности турецкихъ солдатъ тѣмъ «пагубнымъ вліяніемъ, которое производитъ на турецкихъ солдатъ полное отсутствіе женщинъ». Вотъ что писалъ въ своихъ «Замѣткахъ о турецкой арміи» Османъ-бей, бывшій майоръ генеральнаго штаба турецкой службы:

«При расположеніи войскъ въ лагеряхъ или въ казармахъ, военныя и гражданскія власти употребляютъ все усилія для того, чтобы устранить отъ солдатъ всякій поводъ къ соблазну, имѣя въ виду поддержать нравственность солдата на надлежащей высотѣ. Нечего и говорить, что указанныя мѣры приводятъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ...»²⁾

Долго сдерживаемые инстинкты проявились во всемъ своемъ безобразіи, какъ только обстановка войны создала благоприятные моменты и условія — панику, разжиганіе національной ненависти къ болгарскому населенію, поущеніе со стороны начальства жестокостей надъ убитыми, ранеными и плѣнными врагами и, наконецъ, примѣръ разбойническаго поведенія прегулярныхъ турецкихъ войскъ — черкесовъ и башибузуковъ. Понятно поэтому то негодованіе Крестовскаго, при чтеніи газетныхъ извѣстій о томъ, что

«въ Россіи находятся женщины, подносящія этимъ самымъ башибузукамъ пѣжные букеты и конфеты, ухаживающія за этими самыми звѣрями... Сюда бы привести этихъ безпутныхъ сердобольницъ, да показать имъ этихъ окровавленныхъ дѣтей, этихъ обезчещенныхъ женщинъ — тогда быть можетъ открылась бы ихъ глазамъ вся недостойная, безнравственная сторона и глупость ихъ поведенія. Нѣтъ того русскаго за Дунаемъ, который не возмущался бы до глубины негодующей души, читая въ газетахъ рассказы о зазорномъ поведеніи съ плѣнными турками нашихъ легкомысленныхъ безстыдницъ» (стр. 331).

Обращаясь къ описанію Крестовскимъ собственно военныхъ дѣйствій, я долженъ остановиться прежде всего на страницахъ, посвященныхъ набѣгу генерала Струкова и создающихъ въ читателѣ какое-то возбужденное состояніе, приливъ эергій и, если можно такъ выразиться, *кавалерійское* настроеніе... Въ русской военной литературѣ мнѣ извѣстно лишь одно еще сочиненіе, при чтеніи котораго я испытывалъ однородное настроеніе. Это книга Н. Н. Сухотина — «Рейды, набѣги, набѣзды и поиски конницы въ американской войнѣ 1861—1865 гг.». Эти рассказы о людяхъ неослабной эергій, о людяхъ, незнающихъ устали, беззавѣтно пре-

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящемъ случаѣ отъ неистовствъ турецкихъ солдатъ потерпѣлъ не только болгаре, но и турецкое населеніе. ²⁾ См. «Военный Сборникъ» 1874 г., № 6, стр. 341.

данныхъ дѣлу, рѣшительныхъ въ преодоленіи преградъ для достиженія намѣченной цѣли, находчивыхъ въ опасности, остроумныхъ въ соображеніи плановъ одолѣть врага, ежеминутно рискующихъ жизнью и о рискѣ недумаящихъ, а главное, эта картина непрерывнаго движенія, которому, кажется, конца и преградъ не можетъ быть, дѣйствуетъ на молодыя души увлекающе, вдохновляюще... Въ набѣгѣ генерала Струкова въ удивительной гармоніи сочетались выносливость и отважность подчиненныхъ и пониманіе ими «своего маневра» съ предприимчивостью, рѣшимостью и способностью къ отвѣтственной инициативѣ вождя, обнаружившаго высокую степень умѣнья ориентироваться въ внезапно возникающихъ на войнѣ обстоятельствахъ и оцѣнить всю обстановку, не только тактическую, но и стратегическую. Добавьте къ этому личную храбрость генерала, его настойчивость въ своихъ требованіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ джентельмэнское отношеніе къ врагу и вы поймете, почему у Крестовскаго, который самъ былъ кавалеристомъ, эти страницы вышли, на мой взглядъ, лучшими. Онъ слѣдитъ за каждымъ шагомъ струковскаго отряда, заноситъ на страницы своихъ писемъ каждое его слово, сказанное отряду.

«Прошу помнить мое требованіе относительно кавалерійскаго дѣла—говорилъ Струковъ собраннымъ предъ выступленіемъ въ набѣгъ офицерамъ — а именно: безграничная предприимчивость въ соединеніи съ величайшею осторожностью. Наша задача достигнуть наибольшихъ результатовъ при наименьшихъ потеряхъ. Мы идемъ въ набѣгъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ носить характеръ общей непрерывной рекогносцировки. Впередъ предъ нами — полная невѣдомость и что намъ должно будетъ дѣлать—это укажутъ обстоятельства. Перекрестимся и пойдемъ».

«...Потери, если въ нихъ не настоятъ самой крайней нужды—вовсе не кавалерійское дѣло»—

говорилъ генераль Струковъ эскадронному командиру Московскаго драгунскаго полка, отправлявшемуся въ ночную развѣдку. Дѣйствительно, потерь маленькому струковскому отряду надо было остерегаться... И онъ принялъ такую систему дѣйствій:

«быстрый неожиданный налетъ небольшой части туда, гдѣ ее меньше всего ожидаютъ и чѣмъ больше эта часть выдвинется впередъ, тѣмъ лучше (лишь бы только успѣла «судратъ» во-время), потому что такіе неожиданные наѣзды въглубь страны болѣе всего распространяютъ въ населеніи панику; часть должна быть непремѣнно маленькая, увертливая, не болѣе эскадрона, чтобы могла удобнѣе скрыть себя какъ до нападенія, такъ и послѣ него; нападеніе производить не иначе какъ врасплохъ, а потому лучше всего дѣлать его въ ночное время... Когда ночное нападеніе сдѣлано (удачно или не совсемъ—это почти все равно), тогда повторить его уже всѣмъ летучимъ отрядомъ, но повторить какъ можно скорѣе, чтобы не дать противнику времени опомниться и принять надлежащія мѣры...»

Понятно, почему движенію струковскаго отряда повсюду предшествовала паника, которая разрасталась все болѣе и болѣе съ каждымъ его шагомъ и легко отдала въ его руки семенитскій мостъ и станцію—важный стратегическій узелъ, дававшій возможность нашей арміи безостановочно двинуться на Адрианополь, отрѣзать Сулейману его тылъ, уничтожить всякое сообщеніе съ Константинополемъ и прекратить всякое желѣзнодорожное движеніе турецкихъ войскъ изъ Сливно, Котла, Карнабата и проч., вынуждая эти войска тянуться по грунтовымъ дорогамъ въ самое неудобное для сего время. Струковъ же самъ и занялъ Адрианополь, принявъ на себя весь рискъ движенія къ этому городу, съ 120,000 жителей, охраняемому фортами и 8,000 низама, понимая одно, что *надобно* предупредить Абдуль-Керима, которому оставалось до Адрианополя только около 30-ти верстъ. Крестовскій выполнилъ согласенъ съ мнѣніемъ М. Д. Скобелева, выраженнымъ въ приказѣ отъ 29-го января 1878 года по авангарду дѣйствующей арміи, что «полкамъ 1-й кавалерійской дивизіи (С.-Петербургскій уланскій и Московскій драгунскій были въ отрядѣ Струкова) болѣе другихъ частей нашей арміи Россія обязана скорымъ заключеніемъ перемирія—предвѣстника славнаго мира».

Въ заключительныхъ главахъ Крестовскій рассказываетъ о томъ, какъ томительно долго ждали войска, собранныя 19-го февраля 1878 года въ Санъ-Стефано на парадъ, объявленія имъ вѣсти о мирѣ.

«Но вотъ въ половинѣ 6-го часа вечера Великій Князь, окруженный многочисленной свитой, показался верхомъ на выѣздѣ изъ Санъ-Стефано и остановился вдали отъ войскъ, какъ будто поджидая чего-то. Минуть десять спустя прискакала полковникъ Орловъ и доложила, что мирный договоръ, наконецъ-то, подписанъ сію минуту... Нѣсколько минутъ спустя, на поле примчалась открытая коляска, въ которой, держась за ободокъ колеса, стоялъ графъ Игнатъевъ. Въ левой рукѣ его былъ свертокъ какой-то бумаги — вѣроятно, самый трактатъ... Великій Князь снялъ фуражку и высоко держа ее надъ головой крикнулъ первое ура!»

Начался парадъ, во время котораго, по словамъ Крестовскаго, невольно обращалъ на себя общее вниманіе быстрый и широкій шагъ нашей пѣхоты.

«Прекрасно *вымагались*—война выучила, очень метко замѣтилъ, одинъ изъ присутствовавшихъ генераловъ».

Чему учить война—тому должно учиться и въ мирное время. «Тяжело въ ученіи, легко въ походѣ»—говаривалъ бессмертный учитель, Суворовъ.

Пробѣломъ въ письмахъ Крестовскаго является отсутствіе свѣдѣній объ организаціи, боевыхъ свойствахъ и о тактикѣ дѣйствій

турецкихъ войскъ. Единственнымъ живо обрисованнымъ представителемъ ихъ является въ его письмахъ (стр. 361—363) плѣнный Али-эфенди, «миръ» котораго былъ не грабежъ и убійство, а «поэзія и музыка, риѣмы и звуки» и который за 51 годъ своей службы достигъ только чина *колъ-агасы* (капитана), ибо «съ молоду никогда не былъ красивъ собой».

Есть, конечно, и другіе пропуски, фактическія и цифровыя погрѣшности и ошибочныя сужденія, съ которыми, быть можетъ, не согласится будущій историкъ этой войны, но вѣдь считать таковымъ Крестовскаго и не приходится. У него не было для того исторической перспективы, создаваемой временемъ. Онъ просто свидѣтель великихъ и малыхъ событій войны, описаніе которыхъ неизбежно отражаетъ субъективизмъ очевидца ихъ.

Въ особомъ томѣ Крестовскій обѣщаль дать свѣдѣнія о ходѣ дипломатическихъ переговоровъ о мирѣ, о событіяхъ и состояніи арміи за время стоянки ея подъ Константинополемъ и разнаго рода дополнительныя свѣдѣнія, но редакторъ собранія его сочиненій, сохранивъ это примѣчаніе на стр. 541 пятаго тома, оставилъ читателей въ недоумѣніи о судьбѣ этого обѣщанія. Не лишнее было бы также приложить къ «Двадцати мѣсяцамъ» планы и карты.

II.

По поводу толковъ о путяхъ къ Босфору.—Очеркъ кампаніи 1829 года въ Евр. Турціи (т. VII).

Чтобы покончить съ произведеніями Крестовскаго, относящимися до русско-турецкой войны 1877—1878 гг., я долженъ выдѣлить изъ числа его военно-политическихъ работъ статью «По поводу толковъ о путяхъ къ Босфору», написанную имъ въ то время, когда—

«въ интеллигентныхъ сферахъ нашего общества безпрестанно *приходится* (приходилось) выслушивать разныя мнѣнія и предположенія *о будущиѣхъ* военныхъ дѣйствіяхъ, о путяхъ наступленія Россіи на Турцію и даже Турціи на Россію (!!)» и т. п..

Вся эта фраза и въ частности курсивомъ набранныя слова даютъ основаніе полагать, что статья эта относится къ тому періоду, когда война еще лишь назрѣвала.

Въ настоящей статьѣ Крестовскій разбираетъ достовѣрность слуха о наступленіи русской арміи черезъ Турніе-Северинъ съ

переправой у Кладовы, на Нишъ и далѣе въ западную Болгарію. Общественное мнѣніе и даже иностранныя газеты, куда этотъ прочно державшійся слухъ успѣлъ уже проникнуть, приписывали этому пути особыя выгоды, какъ, на примѣръ:

1) Прямое желѣзно-дорожное сообщеніе отъ Кишинева до Турніе-Северина; 2) удобную переправу черезъ Дунай, которую намъ не придется форсировать и которая предполагается отъ Турніе-Северина къ Кладовой, на сербскую территорію, гдѣ мы основываемъ свой ближайшій базисъ; 3) свободный путь отъ Кладовой до Ниша, защищаемый съ лѣваго фланга горнымъ кряжемъ и 4) легчайшій путь, допускающій быстрые марши, по нестоющей еще странѣ, благоприятной и въ санитарномъ и гигиеническомъ отношеніяхъ, отъ Ниша на Пиротъ, Софію, Татаръ-Базарджикъ и Филиппополь къ Адрианополю..

Въ противовѣсъ этимъ сужденіямъ, Крестовскій разбираетъ *невыгодныя* стороны этого пути. Таковыми онъ считаетъ, во-первыхъ, то, что турніе-северинская дорога является *единственною*, связывающею нашъ базисъ съ Россіей; во-вторыхъ, разстояніе ея, играющее громадную роль въ отношеніи времени, потребнаго для всѣхъ нашихъ передвиженій; велико—900 верстъ, и въ-третьихъ, направленіе дороги далеко не безопасно, проходя мимо цѣлага ряда дунайскихъ крѣпостей, нигдѣ не отстоящихъ далѣе 100 верстъ, что вынуждаетъ оставить на протяженіи 400 верстъ достаточно сильный обсервационный корпусъ. Другой такой же корпусъ, по мнѣнію Крестовскаго, потребуетъ выставить противъ Виддина для полного обезпеченія нашего движенія вдоль упоминавшагося выше кряжа по долинѣ р. Тимока. Выгоды переправы чрезъ Дунай отъ Турніе-Северина къ Кладовой могутъ быть парализованы существующей у турокъ на Дунаѣ солидной броненосной флотиліей. Далѣе, Крестовскій указываетъ, что слѣдуя по этому именно пути наша армія пойдетъ краемъ, преимущественно подвергшимся рѣзнѣ и разоренію отъ баша-бузуковъ и реквизиціямъ арміи Абдуль-Керима и Дервиша паши. Наконецъ, и въ политическомъ отношеніи онъ считаетъ этотъ край ненадежнымъ вслѣдствіе того, что

«Австрія не можетъ оставаться равнодушною зрительницею нашей борьбы на Балканскомъ полуостровѣ».

Вѣря въ возможность повторенія австрійцами того, что случилось въ 1854 году, Крестовскій замѣчаетъ, что—

«Занятіе австрійцами Дуная противъ сербской границы и иступленіе ихъ арміи въ Румынію ¹⁾ сразу лишаетъ насъ всей операціонной линіи и лишаетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе она будетъ растянута..

При наступленіи же на пути нижняго Дуная, несравненно болѣе прибли-

¹⁾ О военной конвенціи съ Румыніей тогда еще мало думали.
Т. ССLVI.—Отд. I.

женные къ предѣламъ Россіи, мы всегда имѣемъ возможность дать Австріи своевременный отпоръ изъ Бессарабіи и въ Галціи».

Итакъ, вотъ путь, намѣчавшійся Крестовскимъ. Этотъ путь за Дунай—въ его нижнемъ теченіи отъ Руцука до Тульчи—онъ считаетъ нашимъ *историческимъ* путемъ, исхоженнымъ отъ Святослава до Паскевича включительно ¹⁾. Путь этотъ въ свою очередь разбивается на два частныхъ пути: первый—въ восточную Болгарію, съ переправами въ любомъ изъ пунктовъ отъ Галаца до Гирсова, и второй—въ среднюю Болгарію, открывая его изъ Журжево энергическою бомбардировкою Руцука, подъ покровительствомъ которой должно совершить гдѣ-нибудь, въ ближайшей и наиболѣе выгодной мѣстности, быструю переправу. Отсутствіе у насъ въ то время флота на Черномъ морѣ заставляетъ Крестовскаго отдать предпочтеніе послѣдному направленію предъ первымъ, хотя, говоритъ онъ:

«Въ прежнія войны (а особенно въ 1828—1829 гг.) мы отдавали предпочтеніе пути на восточную Болгарію».

Путь на Журжево, въ среднюю Болгарію, Крестовскій считаетъ при существующихъ условіяхъ «кратчайшимъ и удобнѣйшимъ», хотя въ отношеніи къ боевымъ собственно дѣйствіямъ войскъ *восточная* часть Болгаріи представляется ему болѣе благоприятною наступающему. Для наибольшаго подтвержденія этого мнѣнія, заимствованнаго Крестовскимъ отъ генерала Обручева, онъ обращается къ авторитету графа Мольтке. Вотъ что говоритъ послѣдній, разбирая операціонный планъ и путь наступленія Дибича.

«Обстоятельства и мѣстныя условія указываютъ столь рѣшительнымъ образомъ на этотъ операціонный планъ, что онъ имѣлъ значеніе не только въ кампанію 1829 года, но и снова долженъ найти примѣненіе, въ главныхъ чертахъ, при каждой послѣдующей кампаніи русскихъ въ Руминіи».

Умѣстно тутъ будетъ напомнить со словъ М. Д. Скобелева, въ письмѣ къ К. П. Кауфману отъ 24-го февраля 1877 г., что тотъ же самый Мольтке еще въ 30-хъ годахъ указывалъ на невозможность приобрѣтенія рѣшительныхъ результатовъ въ Евр. Турціи быстро и признавалъ веденіе въ ней войны безъ помощи сильнаго флота крайне затруднительною операціею.

«Фельдмаршалъ князь варшавскій—добавляетъ Скобелевъ—въ 1829 году выражалъ сомнѣніе въ значеніи наступательныхъ дѣйствій въ Малой Азіи за неизмѣнимъ рѣшающаго предмета дѣйствій».

Скобелевъ соглашался съ тѣмъ и другимъ и «съ увѣренностью» говорилъ, что

¹⁾ Въ 1854 году.

«Какъ бы счастливо ни велась кампанія въ Европѣ и въ Азіатской Турціи, на этихъ театрахъ войны трудно искать рѣшенія восточнаго вопроса».

Полагая, что не слѣдуетъ раздѣлять понятія о войнѣ съ Турціей съ понятіемъ о войнѣ съ Англіей, Скобелевъ думалъ, что лучше воспользоваться нашимъ новымъ могущественнымъ стратегическимъ положеніемъ въ Средней Азіи, чтобы нанести дѣйствительному нашему врагу смертельный ударъ.

К. П. Кауфманъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Паскевича, въ письмѣ къ Скобелевскому письмѣ, выражалъ увѣренность, что

«Мольтке отказался бы отъ своего мнѣнія, высказаннаго имъ въ 30-хъ годахъ. Положеніе дѣлъ теперь совсѣмъ иное, чѣмъ было въ тѣ годы. Стоять имѣть хорошую армію и умѣть ее вести» ¹⁾.

Оба нашихъ знаменитыхъ генерала оказались правыми лишь отчасти. Правъ былъ Кауфманъ, такъ какъ событія русско-турецкой войны показали, что и безъ помощи сильнаго флота могли бы быть достигнуты въ Евр. Турціи достаточно быстро рѣшительные результаты; правъ отчасти и Скобелевъ, такъ какъ сбылось его предсказаніе, что восточный вопросъ не будетъ рѣшенъ предстоящей кампаніей. Событія войны—въ частности: бомбардировка Руцука изъ Журжева, переправы: частная—у Галаца и главная—у Зимницы противъ Систова, выше Журжева—оправдали, наконецъ, и указанія Крестовскаго на предпочтительность, при наличныхъ условіяхъ, операціоннаго направленія въ среднюю Болгарію. Армія, дѣйствительно, обошлась и безъ содѣйствія черноморскаго флота. Наличие послѣдняго едва ли бы даже оказала вліяніе на берлинскіе итоги войны, созданные дипломатіей и понизившіе реальную цѣнность трудовъ нашей арміи и ея вождей.

Появленію только что рассмотрѣнной статьи Крестовскаго «По поводу толковъ о путяхъ къ Босфору», несомнѣнно, предшествовало изученіе имъ прошлыхъ нашихъ войнъ съ Турціей. Мысли Мольтке, на авторитетъ котораго онъ неоднократно опирается въ своихъ сужденіяхъ, сосредоточили его особенное вниманіе на войнѣ 1828—1829 гг. Въ результатъ, помимо указанной выше статьи, мы имѣемъ еще и «Очеркъ кампаніи 1829 года въ Европ. Турціи». Однако, этотъ очеркъ, несмотря на полное отсутствіе ссылокъ на источники, мы не можемъ признать самостоятельнымъ трудомъ Крестовскаго, такъ какъ сличеніе его путемъ паралель-

¹⁾ См. А. Н. Масловъ—«Завоеваніе Ахаль-Теве» и «Матеріалы для біографіи и характеристики Скобелева», изд. 1887 года стр. 296—297.

наго чтенія съ сочиненіемъ полк. ген. шт. А. Веригина—«Военное обозрѣніе похода російскихъ войскъ въ Евр. Турцію въ 1829 году», изданнымъ въ 1846 году, устанавливаетъ полную зависимость Крестовскаго въ ходѣ мыслей, порядкѣ изложенія, выводахъ и даже нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженій отъ работы полк. Веригина. Опущены лишь детали, подробности. Общая оцѣнка похода 1829 г. редактирована ими въ совершенно тождественныхъ выраженіяхъ. Статья Крестовскаго и книжка Веригина кончаются одинаковымъ заключеніемъ, что

«Если бы турки, не ограничиваясь укрѣпленіемъ однихъ переправъ на Камчикѣ, имѣли хотя нѣсколько укрѣпленныхъ постовъ въ ущельяхъ и тѣснинахъ Балканскихъ горъ, которыхъ мы не могли миновать ни въ какомъ случаѣ, то успѣхъ русскаго оружія не распространился бы съ такою быстротою и вообще дѣйствія нашихъ войскъ могли бы сдѣлаться несравненно сложнѣе»¹⁾.

Достоинство очерка Крестовскаго въ своевременности его появленія. Въ виду наступавшей войны умѣстно было напомнить то, что хорошо было забыто.

Вл. Апушкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Редація полковника Веригина—стр. 80 (последняя). — См. собр. соч. В. В. Крестовскаго, т. VІІ, стр. 500.